

Фелипе Фернандес-Арместо

АМЕРИГО

Человек, который дал
своё имя Америке

Фелире Фернандес-Арместо

**Америго. Человек, который
дал свое имя Америке**

«Издатель А.Ельков»

2019

Фернандес-Арместо Ф.

Америго. Человек, который дал свое имя Америке /
Ф. Фернандес-Арместо — «Издатель А.Ельков», 2019

ISBN 978-5-906254-69-6

Америго Веспуччи тот самый человек, кто в 1507 году дал своё имя Америке. Заслужил ли он, чтобы целый континент был назван его именем, или нет – споры не утихают по сей день. В этой первой критической биографии Веспуччи мы следуем за ним из Флоренции Лоренцо де Медичи в Севилью Фердинанда и Изабеллы, через Атлантику Колумба к встрече нашего героя с Новым Светом на другом краю океана. Образ Веспуччи зыбок – остаётся таким же ускользающим, как во флорентийском полусвете его молодости – но так близко мы узнаём его впервые. Как бы мало мы ни знали о том, что происходило с Веспуччи, и о его собственных поступках, но после прочтения этой книги читатель лучше поймет и знаменитого флорентийца, и эпоху великих географических открытий.

ISBN 978-5-906254-69-6

© Фернандес-Арместо Ф., 2019

© Издатель А.Ельков, 2019

Содержание

Предисловие автора	8
1	11
Колдовской город	12
Большая семья	17
Образование Мага	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Фелипе Фернандес-Арместо

АМЕРИГО. Человек, который

дал своё имя Америке

© Felipe Fernández-Armesto, 2019

© Издатель Ельков А., 2019

«Завораживающе-смелый текст, умело скомпонованный и основанный на энциклопедических познаниях автора. Чтение доставляет истинное удовольствие».

Guardian

«Фелипе Фернандес-Арместо – один из наиболее блестящих из ныне действующих историков. Его книги исполнены эрудиции и оригинальных идей, в них даже известные знания подаются в неожиданном ракурсе. Эта книга не исключение».

Independent

«Фелипе Фернандес-Арместо сочетает оригинальный ум с живым карандашом, в книге он обращается к сложной теме с точностью и сдержанностью».

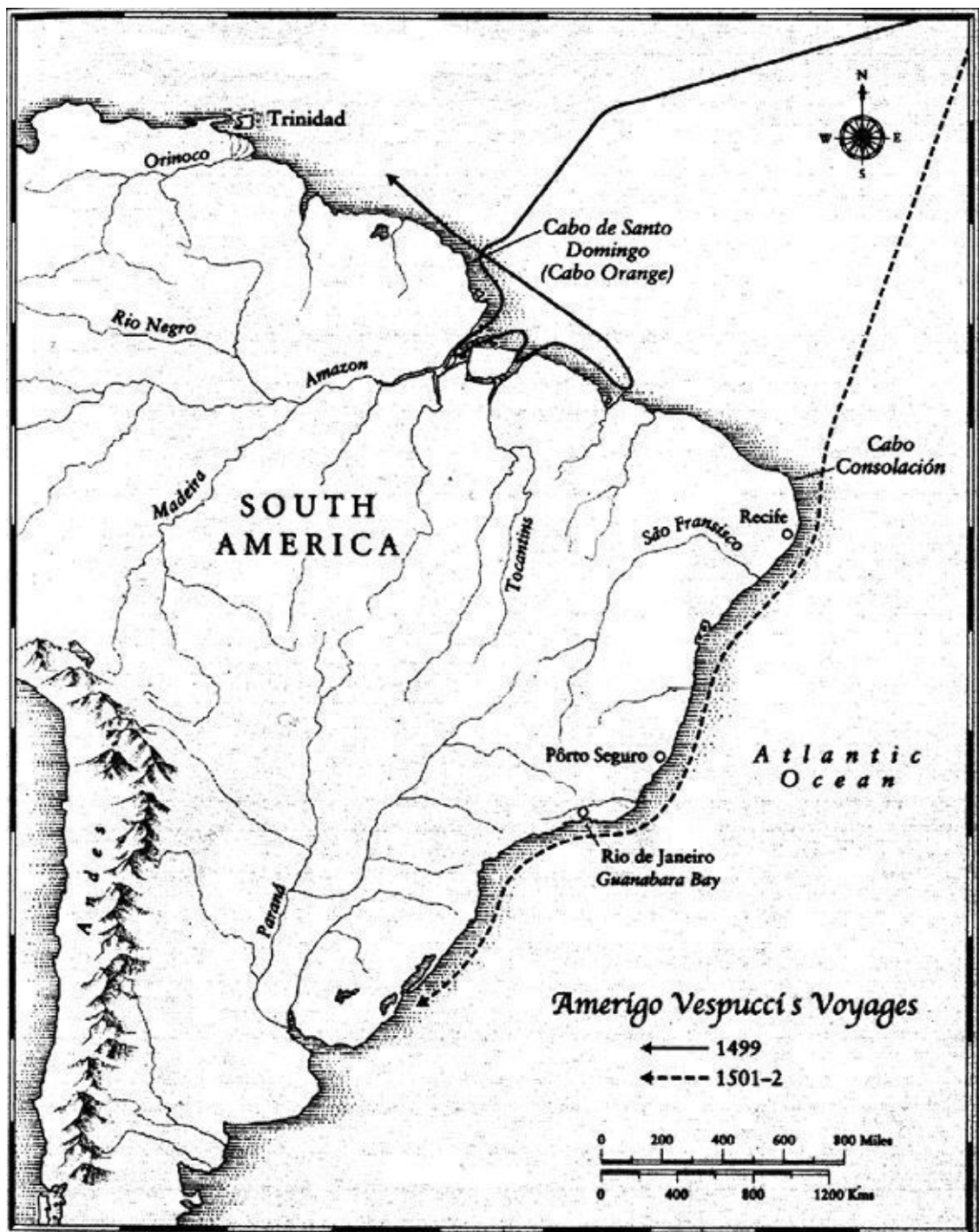
The Times

«Для любого, желающего понять колониальные истоки современной Америки, начинать нужно с этого места».

History Today

«Фелипе Фернандес-Арместо умеет поставить с ног на голову устоявшееся мнение и показать читателю сочную изнанку истории... детали проводимого доказательства захватывают воображение».

Literary Review

*А тот глупец, что, глупый беспробудно,
Работает за так весь день деньской,
Поднимет парус и направит судно.
Он, увлечённый мыслию одной,
В себе объять мечтает мир земной
И к дальним странам с компасом стремится,
Чтоб описать их климат и границы.*

*Познать он жаждет мир наш поднебесный,
Пройти мечтает каждый регион,
Узреть места, что людям неизвестны,*

*Что Господом сокрыты испокон.
Глупцу неймётся – всюду рыщет он
И карты чертит... Да уж, честь большая:
Бродить кругом, казну опустошая.*

** * **

*Матросы да вельможи вдруг нашли
Далёкий берег, неведомый доселе.
Простор и недра чуждой нам земли
Они в наш век приблизить к нам сумели.
А их сыны, достигнув новой цели,
Найдут, что ныне скрытая страна,
Людьми, как мы, давно заселена!*

Александр Барклай, «Корабль дураков» (1509)¹

¹ Перевод Дмитрия Якубова (здесь и далее – специально для этой книги).

Предисловие автора

Америго Веспуччи, давший свое имя целому континенту – Америке, был сутенером в молодости и магом в зрелые годы. Эта удивительная трансформация стала итогом нескончаемого процесса его перерождения, запустившего цепочку невероятных карьерных ходов и то, что сегодня глянцевого журналы именуют «сменой имиджа».

Ближе к 30-ти годам он начал переделывать свою идентичность с такой регулярностью, что это наводит на мысль о неудовлетворенности собой и сжигающей нутро потребности постоянно находиться «в бегах». Вначале он оставил службу у властителя Флоренции, своего родного города, и перешел в подчинение к его сопернику. Через несколько лет в 1491 году он покинул Флоренцию и отправился в Севилью, но и там бросил свой бизнес, состоявший в посреднических услугах при купле-продаже, прежде всего ювелирных изделий, чтобы заняться подготовкой и снаряжением путешествия Колумба в Новый Свет.

В 1499 году в возрасте 45-ти лет или около того он нашел себе новое занятие, отправившись в океанское плавание самостоятельно, и через несколько лет уже считался знатоком навигации и космографии. В процессе этой последней трансформации Америго переходил с испанской службы на португальскую и наоборот. Несмотря на недостаток квалификации и профессиональных навыков, он был настолько убедителен в своей новой роли, что стал кем-то вроде официального космографа, получив монополию от кастильской короны на подготовку штурманов дальнего плавания и морских карт. Некоторые эксперты даже называли его новым Птолемеем, реинкарнацией величайшего, или, во всяком случае, наиболее влиятельного географа античных времен. В эпоху Ренессанса не было большей похвалы, чем быть поставленным на один уровень с учеными древности.

Даже если не брать во внимание чрезвычайный случай или ошибку, из-за которой его именем было названо Западное полушарие, биография нашего героя интригующа сама по себе – по причине изумительной легкости и безупречности переформатирования своей судьбы. Он одолевал все препятствия, которые встречались ему на жизненном пути, приспособляясь и переприспособляясь к чему угодно, словно сам состоял из ртути, и всё же ни один современный ученый с репутацией не рискнул написать его биографию. Ближе всех подошел к осуществлению этой задачи Лучано Формисано, чье аккуратное и на надежной источниковой базе биографическое эссе включено в сборник, изданный в 1991 году в честь 500-летней годовщины первого пересечения Колумбом Атлантики². Другие же попытки представить его обстоятельную биографию являются гимнами обожателей с вкраплением реальных фактов или не имеющие ценности вульгаризации, в основе которых романтика, прославление героя и пространные рассуждения, служащие для заполнения пустой формы³. Но такие подходы совсем не вынуждены. Факты биографии Веспуччи поразительны по своей сути и без всякого украшения. И всё же явная скудность посвященных ему исследований привела к тому, что большинство фактов, включая и те, что представляют величайший интерес и способны ошеломить читателя, остались непроясненными. Я отобрал два из них для первого предложения этого предисловия, и не только потому, что они впечатляют сами по себе, но также из-за того, что они не упоминаются в существующих биографиях и практически не обсуждались, во всяком случае в печати, специалистами, занимающимися этой и смежными темами.

² L. Formisano et al., *Amerigo Vesputti: la vita e i viaggi* (Florence, 1991), pp. 69-201. Хотя я уважаю и, в некоторых пунктах, полагаюсь на ученость Формисано, по многим позициям в интерпретации фактов я с ним принципиально не согласен.

³ R. Levillier, *Américo Vespucio* (Madrid, 1966), Levillier полагал, что сможет реконструировать маршруты исследователя по картам – фантазия, какую ни один ученый, работающий по этой теме, даже в наши дни не сумел воплотить в реальность.

Ученые предубеждения понять нетрудно. Специфические серьезные проблемы, связанные с источниками, касающимися жизни Веспуччи, не позволяют судить с уверенностью ни о чем. Легко привести множество примеров. И в самом деле, мы знаем о Веспуччи больше, чем о любом другом мореплавателе его времени, за исключением Колумба. Но и сравнение с Колумбом показательно. Последний изливал свою душу на бумагу всякий раз, когда обмакивал перо в чернила. Из написанного Веспуччи мало что сохранилось; и хотя большая часть из дошедшего до нас носит в широком смысле автобиографический характер, он никогда не допускал саморазоблачающих излияний, столь характерных для трудов Колумба. Критики оспаривают или, наоборот, принимают как аутентичные все письма, приписываемые Веспуччи или опубликованные под его именем и при его жизни. Дебаты ведутся жаркие, но точных ответов не предвидится. По общему согласию письма от руки признаются подлинными⁴. Один из крупнейших знатоков Веспуччи, Альберто Маньяги, доказал это в 1920-х годах⁵, и последующие исследования подтвердили его выводы. Однако вопрос о том, входят или нет – одно или оба – два опубликованных письма (*Mundus Novus* и *Письмо к Содерини*) в этот признанный аутентичным корпус писем, остался нерешенным. Некоторые исследователи отказывают им обоим безоговорочно⁶, поддерживая мнение ученого 19-го века Висконде де Сантарема, что они «каждой своей строчкой вопиют о подделке»⁷. Другие, еще более безрассудно, решительно принимают их на веру⁸. Третьи, включая всех ведущих ученых, занятых сегодня разработкой этой темы, полагают, что среди писем, приписываемых Веспуччи, есть и подлинные и поддельные, но отличаются в оценке того, в какой пропорции они относятся друг к другу. Сомнения парализуют научную мысль, ибо важные решения сильно зависят от содержания этих писем: был ли Веспуччи правдив, а если признать его закоренелым лжецом – каковы пределы его лживости; обоснованы ли его притязания на важные открытия; заслуженно ли его именем названо целое полушарие?

Я уверен, что мы сумеем развеять сомнения. Неоспоримые документы обеспечивают нас достоверным набором его литературных «отпечатков пальцев»: любимые художественные образы, предпочитаемые темы, способ мышления и типичные «заскоки». Из спорного материала мы «выжмем» надежную часть и посмотрим, как много принадлежит перу Веспуччи и какова доля ответственности редакторов в тех публикациях, автором которых он числится. С помощью других источников – в частности, сохранившихся писем к Веспуччи, открывающих мир, в котором он вращался, и ценности, лежавшие в основе этого мира – возможно реконструировать фазы его жизни с разумной степенью достоверности и даже проникнуть в его сознание: увидеть мир его глазами, прояснить его амбиции и мотивацию, пролить свет на причины – хотя бы некоторые из них – его постоянной смены имиджа. Его жизнь можно разложить на карте с нерегулярной координатной сеткой, смазанными деталями и искажениями шкал, типичными для того времени. Есть и сводящие с ума лакуны. Я не старался их незаметно залатать подобно средневековому картографу, заполняющему пустые места изображениями гиппогрифов^{9, 10}.

⁴ Так было не всегда: A. Varnhagen, *Amerigo Vespucci, son caractère, ses écrits, sa vie et ses navigations* (Lima, 1865), выступает за то, что аутентичны как раз печатные работы, а не рукописные. Автор настолько изобретателен, что некоторые читатели посчитали, что это шутка.

⁵ A. Magnaghi; *Amerigo Vespucci: studio critico* (Rome, 1926).

⁶ Например, Magnaghi; G. Caraci, *Questioni e polemiche vespuciani*, 2 vols (Rome, 1955-6); T.O. Marcondes de Souza, *Amerigo Vespucci e as suas viagens* (São Paulo, 1954).

⁷ Vizconde de Santarém, *Researches respecting Americus Vesputius and his Voyages* (Boston, 1850), p. 67.

⁸ Например, H. Vignaud, *Améric Vespuce* (Paris, 1917); R. Levillier, *América la bien llamada*, 2 vols (Buenos Aires, 1948); *Americo Vesputio* (Madrid, 1966). G. Arciniegas, *Amerigo and the New World*, исходя из утверждения, не гипотезы, об аутентичности опубликованных писем. Единственная другая популярная биография, автор F. Pohl, следует за Magnaghi в отрицании их подлинности. Обе книги написаны в искательном тоне и приходят к некритичным выводам. В обеих Веспуччи выставлен безупречным героем, чьи претензии на открытие Америки полностью обоснованы.

⁹ Гиппогриф – полуконь-полугрифон**, мифическое создание с телом лошади, крыльями и головой орла.

Хотя эта книга задумывалась как биография Веспуччи и исследование его разума, не обойтись без описания великих исторических реалий того времени. Я пытаюсь дать о них представление, хотя и отводя на задний план, ибо ничто из того, что делалось героем, нельзя понять до конца вне контекста эпохи. Поэтому книга следует за ним по самым разным местам, с которыми была так или иначе связана его жизнь: Флоренция Лоренцо де Медичи; Севилья Фердинанда и Изабеллы; океан Колумба; новый континент, прочесанный мародерами всех мастей, шедшими вслед за Колумбом; земной шар, в резонансе с которым фамилия Веспуччи слышалась то громко, то слабо. Кому-то из читателей такой подход может показаться скучным, им захочется интимных подробностей из жизни субъекта, которого легче себе представить, изучая с близкого расстояния. Но общая картина необходима, и мне кажется, она многое проясняет. Ибо хотя Веспуччи не сделал значительного вклада ни в один вид искусства, ни в одну отрасль науки – как мы увидим, его космография была любительской, навигационное мастерство переоценено, пером он владел плохо – он стал важной фигурой в мировой истории, потому что был одним из последних в цепочке искателей приключений из Средиземноморья, кто помог завоевать Атлантику и распространить через океан силовые линии той культуры, которую мы сегодня называем западной цивилизацией.

Я глубоко обязан моим предшественникам, на исторических «раскопках» которых базируется эта книга, прежде всего, Илиане Луччане Карачи¹¹, Луизе д'Ариенсо¹², Лучано Формисано¹³, Марко Поцци¹⁴ и Консуэло Варела¹⁵. Они просеяли все нужные архивы настолько тщательно, что мы можем быть более или менее уверены, что никаких новых важных находок не будет в них обнаружено. Так что за этот участок мы можем быть спокойны. Не все проблемы известных источников решены, но они теперь достаточно раскрыты, чтобы можно было проследить большинство нитей до самых их корней. Благодаря этим же ученым почти все документы, прямо касающиеся жизни Америго, теперь представлены в печатном виде и в хорошем качестве. Единственное исключение – архивы посольской миссии дяди Америго в Париже, к которой примкнул юный Веспуччи, и школьная тетрадь, находящаяся в библиотеке Риккардиана¹⁶. Касательно первых я полагался на микрофильмы из коллекции Библиотеки Йельского университета; относительно второй – мне удалось изучить документ благодаря любезности профессора Тони Мольо, пригласившего меня в Европейский центр по вопросам образования. Блестящие и гостеприимные участники семинара профессора сделали много полезных замечаний, задали немало наводящих вопросов и снабдили пищей для размышлений. Я благодарен за безупречную помощь сотрудникам Библиотеки Риккардиана.

Огромную признательность я выражаю моим коллегам в *Queen Mary* – в лондонском университете, где я начал работу над этой книгой, и в Университете Тафтса, где я ее заканчивал. Поскольку я писал настоящую работу в Лондоне, Бостоне, Флоренции и Мадриде, то должен был пользоваться теми книгами, которые были под рукой, поэтому примечания иногда включают отсылки к более чем одному изданию конкретного текста; я не стандартизировал эти отсылки, кроме тех случаев, когда какое-либо издание было особенно надежным. Когда мне были доступны качественные переводы на английском, я их без колебания цитировал, иногда с исправлениями. Если переводы не были сделаны, то я решал эту задачу сам.

¹⁰ Грифон – мифическое крылатое существо с туловищем льва и головой орла. *Здесь и далее прим. переводчика.*

¹¹ I. Luzzana Caraci, *Vespucci*, Nuova raccolta colombiana, 21, 2 vols (Rome, 2000).

¹² L. D'Arienzo, 'Nuovi documenti su Amerigo Vespucci', in *Scritti in onore del professore P.E. Taviani*, 3 vols (Genoa, 1983-6), III, 121-73.

¹³ L. Formisano, *Amerigo Vespucci: Lettere di viaggio* (Milan, 1985); 'Vespucci in America: recuperi testimoniale per una edizione', *Studi di filologia italiana*, 41 (1983), 37-43.

¹⁴ M. Pozzi, ed., *Il mondo nuovo di Amerigo Vespucci: Vespucci autentico e apocrifo* (Milan, 1984).

¹⁵ C. Varela, *Colón y los florentinos* (Madrid, 1988).

¹⁶ Florence, Biblioteca Riccardiana, MS 2649.

1

Воспитание Мага

Флоренция, 1450–1491: в погоне за «славой и честью»

Героизм и злодейство незаметно и плавно перетекают друг в друга. Так же умение продавать и торговаться соотносится с магией и волшебством. Америго Веспуччи был и героем и злодеем – полагаю, что для читателей книги это не новость. Моя же цель – показать, что он также был одновременно и торговцем и волшебником. Это был коммерсант, обратившийся в мага.

Книга рассказывает об этом странном превращении; в ней делается попытка объяснить читателю, почему и как это случилось. Присвоение его имени Америке – побочный продукт всей истории: оно – мерило успеха Америго в умении продавать самого себя, результат чарующей природы его волшебства. Умение торговать и демонстрация фокусов требуют схожих качеств: острого языка, легких, как перышко, пальцев, заразной веры в себя. Веспуччи обрел эти качества в городе, где он родился и получил образование. Во Флоренции в эпоху Ренессанса, где жизнь была ключом, была вульгарно-яркой, пропитанной духом конкуренции и жестокости – ловкости пальцев prestidigitатора учатся быстро. И ловкость была необходима просто для того, чтобы выжить.

Колдовской город

Этот город с населением в 40 тыс. человек был не богаче других городов Европы. Флоренция процветала вопреки выпавшим на ее долю испытаниям, – классический ответ на неблагоприятные внешние обстоятельства. Город стал крупной, раскинувшейся по берегам реки мануфактурой, занятой производством тонкой шерсти и шелка, чему не мешала ненадежность реки, которая летом обычно пересыхала. Флоренция превратилась в своего рода государство, занятое международной торговлей, с собственным флотом, хотя он и располагался в 50-ти милях от моря, и неприятель мог легко взять под контроль все выходы и подходы к нему. Флорентийцы 15-го века гордились своей обособленностью; они сохраняли республиканскую конституцию в эпоху наступающих монархий. Элита не сторонилась олигархата, больше ценившего деньги, чем знатность рода. Во Флоренции принц мог заниматься торговлей без «репутационных потерь».

В веке, боготворившем античность, Флоренция не могла похвастать исторической родословной, но большинство горожан крепили свою идентичность мифами: их Флоренция была сестрой Рима, основанного троянцами. Ближе к истине оригинальная версия, предложенная флорентийскими историками: Флоренция была «дочерью» Рима, основанного римлянами, – «той же закваски», но более верная республиканским традициям¹⁷. Флорентийцы утверждали свое превосходство над более древними и более знатными (по их же убеждениям) соседями посредством инвестирования в городскую культуру: более объемный, чем у соперников, купол главного собора, больше общественных скульптур, выше башни, дороже живопись, щедрее благотворительность, роскошнее церкви, пышнее дворцы и самые велеречивые поэты. Они считали Петрарку своим на том основании, что его родители были флорентийцами, хотя сам он вряд ли хотя бы раз посетил город.

Как следствие, Флоренция ценила гениев и была готова за них платить. Подобно классическим Афинам, или Вене конца 19-го века, или Эдинбургу эпохи Просвещения, или Парижу *философов*, город как будто заботливо вынашивал таланты, пестовал гениев и заслуживал за это награду. Пик расцвета уже остался в прошлом, в середине 15-го века; примерно в это время и родился Америго Веспуччи.

Представители поколения Брунеллески (умер 1446), Гиберти (умер 1455), Фра Анджелико (умер 1455), Донателло (умер 1466), Альберти (1472) и Микелоццо (1472) постепенно старели, готовились к смерти или уже ушли в мир иной. Республиканские институты подпали под контроль династии Медичи. Но традиции превосходства в изящных искусствах и учености сохранялись. Скульптор Андреа Верроккьо арендовал дом у одного из кузенов Веспуччи. Сандро Боттичелли жил по соседству с домом, в котором родился Америго. В приходской церкви Америго по заказу его семьи работали Боттичелли и Гирландайо. Макиавелли в свои двадцать с небольшим лет еще никому не был известен. Соперник Макиавелли в качестве историка и дипломата Франческо Гвиччардини еще бегал в коротких штанишках. Флорентийский конвейер по производству гениев, казалось, никогда не остановится. В 1491 году, когда Америго покидал город, Леонардо да Винчи уже направился в Милан, и революция, которая в 1494 году сокрушит владычество Медичи, привела к временному кризису в системе патронажа. Но карьера следующей генерации гениев – включая и Микеланджело, ученика Гирландайо – уже набирала обороты.

¹⁷ D.E. Bornstein, ed., *Dino Compagni's Chronicle of Florence* (Philadelphia, 1986), p. 3; L. Bruni, *History of the Florentine People*, ed. J. Hankins, 2 vols (Cambridge, MA, and London, 2001), I, 8-19, 109; G. Villani, *Chronique*, ed. G.E. Sansone and G. Cura Curà (Rome, 2001).

Мог ли отблеск величия, окружавшего Америго, бросить на него свою благотворную тень? Все шансы на это у него имелись. Его тьютором был родной дядя Джорджио Антонио Веспуччи, ученый муж с широкими связями в городе¹⁸. По меньшей мере с 1470-х годов Джорджио Антонио принадлежал к группе ученых и покровителей наук, называвших себя «семьей Платона». Они создали определенный культ памяти философа, заново разыгрывая его философские беседы и поддерживая негасимое пламя перед его бюстом. В эту группу входил фактический правитель Флоренции, сам Лоренцо Великолепный. Лидером группы – «главой семьи» – был Марсилио Фичино, одновременно священник и личный врач Медичи. Он называл Джорджио Антонио «дражайшим из друзей» и в письмах к нему использовал язык «божественной любви», к которому были приобщены члены кружка¹⁹. Среди его членов были также Луиджи Пульчи, самый знаменитый поэт Флоренции того времени; Анджеоло Полициано, передовой ученый и версификатор²⁰ не из последних; Пико делла Мирандола, знаток всего эзотерического и даже оккультного; и Паоло дель Поццо Тосканелли, географ, один из вдохновителей Колумба.

Эта атмосфера, очевидно, влияла, хотя и незначительно, на Америго. Темой одного из черновых набросков в его школьной тетради является письмо, в котором сообщается о покупке учеником текста Платона за 10 флоринов в качестве подарка для тьютора; автор извиняется за эти расходы, так как книга стоила всего три флорина²¹. Идеи Платона вряд ли захватили юный ум Америго, который, как мы позже увидим, не очень-то был пригоден для научной работы. И запись в тетради вставлена в общий текст, который скорее является упражнением, нежели отчетом о реальном случае. Слишком смело было бы заключить, что Веспуччи прочел хотя бы строчку из Платона для собственного удовольствия, но эта запись располагает его образование в контекст интеллектуальных интересов, общих кругу знакомых его дяди.

Из-за грандиозного созвездия талантов, оказавших сильнейшее влияние на мысли человечества об окружающем мире, Флоренция эпохи Ренессанса вызывает большую симпатию – и, как следствие, широкий спектр ложных представлений у тех, кто сегодня думает о том времени. Город считался оплотом просвещенности, где соседствовали античность и новизна, где властвовали классический вкус и мирские приоритеты, разум был настроен гуманистически, а науки занимали высокое место в системе ценностей. Но каждое поколение любит противопоставлять собственную «современность» отсталости прошлого. Мы ищем в прошлом признаки пробуждения Европы и ее ухода от «мрачных веков» к прогрессу, процветанию и тем ценностям, которые сегодня мы можем признать своими. И мы отвечаем на то волнение, с которым западные авторы на рубеже 15–16 веков предчувствовали зарю нового «золотого века». Как результат, если вы являетесь продуктом мейнстрима западного образования, почти все ваши представления об эпохе Ренессанса окажутся ложными.

«Наступили новые времена». *Нет*: у каждого поколения собственный «модерн», каждое вырастает из всего прошлого в целом. «Переход был революционным». *Нет*: ученые обнаружили полдюжины предшествующих эпох ренессанса. «Это был переход к светскости» или «к язычеству». *Совершенно не так*: Церковь оставалась покровителем большинства искусств и ученых школ. «Переход к искусству ради искусства». *Нет*: им манипулировали плутократы и политики. «Искусство стало беспрецедентно реалистичным». *И это не так*: перспектива стала новой техникой, но можно найти эмоциональный и анатомический реализм во многих образцах пред-ренессансного искусства. «Ренессанс возвысил художника». *Нет*: и средневековые художники достигали статуса святости; на этом фоне богатство и титулы выглядят доста-

¹⁸ A. Della Torre, *Storia dell'Accademia platonica di Firenze* (Florence, 1907), pp. 772-4.

¹⁹ *Letters of Marsilio Ficino*, II (London, 1978), 28–30.

²⁰ *Версификатор* – легко подбирающий рифмы стихотворец, но без поэтического дара.

²¹ Riccardiana MS 2649, f. 7.

точно убого. «Эпоха сбросила с пьедестала схоластику и возвеличила гуманизм». *Нет*: последний вырос из средневекового «схоластического гуманизма». «Расцвела эпоха платонизма и эллинизма». *Нет*: элементы платонизма присутствовали, как это случалось и прежде, но лишь несколько ученых умели больше, чем что-то промямлить по-гречески. «Она вновь открыла утраченную античность». *Не соответствует действительности*: античность никогда не утрачивалась, и классическое вдохновение никуда не исчезало (а в 15-м веке был даже всплеск интереса к ней). «Она открыла природу». *Едва ли*: в Европе чистой школы пейзажа в рисовании прежде не было, но природа достигла культового статуса в 13-м веке, когда святой Франциск Ассизский открыл Бога в природе. «Она была научной». *Нет*: ибо каждый ученый был и кудесником.

Даже во Флоренции Ренессанс определял вкус меньшинства. Выполненные Брунеллески проекты дверей в Баптистерий – проект, многими считающийся инаугурацией в 1400 году эпохи Ренессанса – были отвергнуты как слишком «продвинутые». Мазаччо – революционный художник, который ввел перспективу и скульптурный реализм в свою работу для часовни в церкви Санта Мария дель Кармине в 1430-х годах, был только помощником в общем проекте, которым руководил традиционный мастер. Самыми популярными художниками того времени были наиболее консервативные: Пинтуриккио, Бальдовинетти и Гоццолы, чьи работы напоминали великолепие средневековых миниатюристов – блеск сусального золота и яркие, «богатые» краски. Набросок Микеланджело для главной площади города, который забирал пространство в классическую колоннаду, так и не был реализован. Значительная часть предположительно классического искусства, вдохновлявшего флорентийцев 15-го века, была поддельной; Баптистерий был, по сути, строением 6 или 7-го века. Церковь в Сан Миниато, которую «знатоки» принимали за римский храм, была построена не ранее 11-го века.

Итак, Флоренция не была по-настоящему городом классицизма. Кое-кто из читателей может посчитать такой подход упрощенным. С помощью схожей логики, в конце концов, можно заключить, что классические Афины не были классическими, поскольку у большинства людей были иные ценности: они обожествляли орфические мистерии, крепко держались иррациональных мифов, подвергали остракизму и даже проклинали некоторых из своих самых прогрессивных мыслителей и писателей. Социальные институты и политические направления, которые они поддерживали, напоминали те, что в чести и у современного «молчаливого большинства»: в их основе лежат пуританские, чопорные «семейные ценности». Пьесы Аристофана с их злой сатирой на дурные аристократические обычаи и привычки являются лучшим путеводителем по греческой морали, чем «Этика» Аристотеля²². И во Флоренции имелось свое молчаливое большинство; примерно в то время, когда Веспуччи покидал город, голос этих людей был слышен и в кроваво-мелодраматических проповедях нищенствующего монаха и реформатора Савонаролы, и в диком, заставлявшем стыть в жилах кровь оре уличных революционеров, который его слова возбудили несколькими годами позже. Эти проповеди бросили в костер божков мирского тщеславия, которым поклонялся Медичи, и поставили вне закона языческую чувственность классического вкуса. После революции даже Боттичелли перестал рисовать заказную эротику и вернулся к старомодной набожности.

Флоренция Савонаролы была не классической, но средневековой. Флоренция Америго – не классической, но магической. Я употребляю это слово обдуманно, имея в виду, что в городе практиковалась магия. Она была двух типов. Во-первых, Флоренция, как и весь остальной мир в те времена, была, насколько нам известно, пропитана расхожими суевериями и предрассудками. За три дня до смерти Лоренцо Великолепного в собор ударила молния, сбившая с купола несколько камней, упавших на мостовую. Прошел слухок, что в кольцо у Лоренцо был

²² E.R. Dodds, *The Greeks and the Irrational* (Berkeley, 1951); K. Dover, *Greek Popular Morality in the Time of Plato and Aristotle* (Berkeley, 1974).

замкнут демон, и он выпустил на свободу, ощутив приближение смерти. В 1478 году, когда Якопо Пацци был повешен за участие в заговоре против Медичи, сильнейшие ливни грозили уничтожить урожай зерна. Народная молва приписала это проискам Якопо: его захоронение в святой земле оскорбило Бога и повлияло на природу. Труп заговорщика выкопали из могилы и протаскивали зловонные останки по улицам, где толпа изрубила их на мелкие куски, прежде чем выбросить в воды реки Арно²³.

Но суеверия не являлись просто вульгарным заблуждением. Процветала и ученая магия. Мнение, что человек способен контролировать природу, было безупречно рациональным. Перспективные подходы заключались в методах, которые мы сегодня классифицируем как строго научные: наблюдение, эксперимент и логические построения. Астрология, алхимия, заклинания и магия еще не выказали себя ложными направлениями. Как полагали флорентийские оккультисты эпохи Ренессанса, расстояние между магией и наукой уже, чем полагает ныне большинство людей. Обе пытаются объяснить и, следовательно, взять под контроль природу. Западная наука 16 и 17-го веков выросла в том числе и из магии. Сферы интересов ученых и практиковавших магию частично пересекались – вторые придумывали магические методы и способы контроля над природой. В тех кругах, где вращался молодой Америго, магия была общим увлечением.

Ренессанс вернул к жизни одно из давно оставленных или дремавших под спудом мнений, что древние люди обладали действенными магическими формулами. В фараонском Египте священнослужители будто бы могли оживлять статуи посредством тайных заклинаний. На заре возникновения Греции Орфей записал магические формулы, способные исцелять больных. Древние евреи с помощью Каббалы – системы тайных знаков – могли вызывать силы, обычно доступные только Богу. Исследования древних документов в эпоху Ренессанса оживили эти чаяния после извлечения из глубин античности магических текстов, которые набожные Средние века объявили абсурдными и демоническими. Марсилио Фичино доказывал, что в магии не было ничего дурного, если она использовалась для излечения больных или получения знаний о природе. Некоторые древние магические тексты, утверждал он, можно рекомендовать для чтения христианам.

Сильнее других текстов подействовала на умы работа, написанная предположительно древним египтянином, известным под именем Гермеса Трисмегистоса («Триждывеличайший»), но на самом деле – фальшивка, изготовленная неизвестным византийцем. Книга попала во Флоренцию около 1460 года вместе с партией книг, купленных в Македонии для библиотеки Медичи. И стала сенсацией. Переводчик, ярый поклонник Платона, даже отдал приоритет именно книге Гермеса²⁴, отложив на время перевод работ Платона. Маги Ренессанса ощутили позыв следовать по стопам «египетской» мудрости в поисках альтернативы строгому рационализму классического учения – источника более древнего и, вероятно, более чистого знания, чем то, что можно было получить от греков или римлян. Различие между магией и наукой, посредством которых можно взять под контроль природу, почти исчезало в гермесовской тени.

Не менее, чем в астрологию, флорентийские маги верили в астральную магию и практиковали ее, пытаясь взять под контроль звезды и тем самым манипулировать астрологическими влияниями. Они также занимались алхимией и нумерологией. Пико делла Мирандола привлек технику, основанную на Каббале, призывая на помощь божественные силы с помощью нумерологических заклинаний. Астрология и астрономия воспринимались нераздельными дисциплинами настолько, что их часто путали; когда в 1495 году Пико выступил против астрологии, то должен был сначала указать на различия между «чтением грядущих событий по звездам» и

²³ L. Martines, *April Blood: Florence and the Plot against the Medici* (Oxford, 2003), pp. 130-1.

²⁴ F. Yates, *Giordano Bruno and the Hermetic Tradition in the Renaissance* (London, 1964), pp. 12-13.

«математическим исчислением размеров звезд и их траекторий»²⁵. Письма к Лоренцо ди Пьерфранческо де Медичи, школьному другу Америго и его будущему патрону, полны звездных образов. Фичино послал ему характерно сентиментальные, слегка гомоэротичные уверения в любви, усеянные аллюзиями на гороскоп молодого человека. «Для того, кто созерцает небеса, ничто не кажется огромным, кроме самих небес»²⁶.

Фичино написал «письмо вдогонку» на ту же тему Джорджио Антонио Веспуччи с желанием доказать, что воздействие звезд следует по направляющим свободной воли – «звезды внутри нас»²⁷. Астролябия – инструмент, который использовал впоследствии Америго Веспуччи, или которым он по меньшей мере бравировал, будучи навигатором – виден на заднем плане картины Святого Августина, которую Джорджио Антонио заказал Боттичелли²⁸. Паоло дель Поццо Тосканелли, сильно повлиявший на географические идеи Веспуччи, верил в астрологию²⁹. Изучение секретов мира, математический порядок во Вселенной, взаимоотношение между Землей и звездами: вот что было общим знаменателем у космографии и магии. Магическое мышление и магические практики окружали юного Америго Веспуччи. Его образование оформили в некотором смысле именно маги.

Среди почитателей Гермеса Трисмегистоса был сам Лоренцо Великолепный – фактический правитель Флоренции с 1469 года до самой своей смерти, последовавшей в 1492 году. Лоренцо перевел два из пантеистических гимнов Гермеса на итальянский³⁰. Медичи были особенно чувствительны к эзотерическим утверждениям ученых, которых они патронировали, поскольку семья отождествляла себя с волхвами из Евангелия. Медичи принадлежали во Флоренции к братству, ответственному за поддержание культа королей-астрологов, последовавших за звездой Христа в Вифлеем. Беноццо Гоццолли и Фра Анджелико изобразили главных членов семьи в этой роли: первая фреска покрывала стены небольшой частной часовни во дворце Медичи; вторая находилась в спальне Лоренцо. Когда он умер, Братство волхвов с большой помпой организовало его похороны.

²⁵ W. Shumaker, *The Occult Sciences in the Renaissance: A Study in Intellectual Patterns* (1972), pp. 18–19.

²⁶ E.H. Gombrich, 'Botticelli's Mithologies: A Study in the Neoplatonic Symbolism of his Circle', *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, 8 (1945), 18; *Letters of Marsilio Ficino*, IV (London, 1988), 61.

²⁷ Quoted in E.H. Gombrich, *Symbolic Images: Studies in the Art of the Renaissance* (London, 1972), pp. 41, 43; *Letters of Marsilio Ficino*, IV, 63.

²⁸ G. Fossi, 'Capolavori all'insegna delle vespe: grandi artisti per i Vespucci', in L. Formisano et al., *Amerigo Vespucci: la vita e i viaggi*, pp. 230–41.

²⁹ G. Uzielli, *Paolo del Pozzo Toscanelli* (Florence, 1892), pp. 367–70.

³⁰ B. Toscani, 'Lorenzo, the Religious Poet', in B. Toscani, ed., *Lorenzo de' Medici: New Perspectives* (New York, 1993), p. 89.

Большая семья

Семья Веспуччи во время детства и юности Америго находилась под патронажем Лоренцо Великолепного. Связи с Медичи имели жизненно важное значение, ибо хотя Флоренция представляет собой клубок улиц, жестко сцепленных друг с другом, в 15-м веке спутанную топографию формировали снедаемые духом соперничества кварталы, в которых хозяйничали семьи, борющиеся между собой за власть в республике. И в наши дни, если отправиться побродить по городу, всё еще можно увидеть символы верности, высеченные на углах улиц и на фасадах палаццо.

Клан Веспуччи представлял собой типичную большую итальянскую семью, состоявшую из разных кластеров кузенов, дядьев, а также младших сыновей. Последние становились иждивенцами – одними из многих, – или отправлялись на поиски шансов во внешнем мире. Во Флоренции семья проживала в квартале Санта Мария Новелла, который когда-то обустроивала и где доминировала династия Ручеллаи, чье влияние ко времени Америго уже почти исчезло. Дома Веспуччи концентрировались вдоль одной из улиц в приходе Огниссанти – в скромном районе Флоренции на периферии центральной части города. Поначалу в этом районе жил рабочий люд, занятый обработкой шерсти, – в этом занятии не было ничего недостойного, ибо шерстяная отрасль была одной из важнейших составляющих процветания города. Веспуччи, вероятно, начинали именно с торговли шерстью, когда они в 13-м веке прибыли во Флоренцию из расположенной всего в трех-четыре милих от города деревни Перетола. Они всё еще проявляли (или делали вид) некоторый интерес к пошиву одежды, хотя их основным бизнесом являлся шелк.

Хотя некоторые ветви клана процветали, семья Америго представляла собой классическую «бедную родственницу», зависевшую от патронажа и займов со стороны более богатых сородичей. Налоговая декларация, подготовленная дедом (и тезкой) Америго в 1451 году, показывает упадок дома, в лучшем случае – финансовый застой. Они продали часть собственности или отдали ее в качестве приданого с момента последней оценки. В документе указаны дом в Огниссанти и маленький дом в деревне Перетола, который занимал старший брат Америго Джованни вместе со своей семьей, «проживавшей там по причине бедности». Дом был частью приданого жены Джованни, поэтому стал собственностью Америго, вероятно, из-за задолженности Джованни. Другой брат Никколо жил в той же деревне. В дополнение к этому Америго-старший купил виноградник у монастыря Перетола, который давал десять бочек вина в год³¹.

Год подачи этой декларации был важным в истории семьи, поскольку именно тогда – вероятно, в результате патронажа Медичи – Веспуччи были отобраны в качестве одного из кланов, из которого выдвигался кандидат на коммунальный пост гонфалоньера (*gonfaloniere*), или хранителя стандартов. Медичи контролировали совет, отбиравший семьи в эту группу. Это не являлось путем к власти, ибо не подразумевало должностных гарантий, да и в любом случае роль тех, кто удостоивался этой чести, была чисто номинальной; но это было публичное отличие, укреплявшее престиж и производившее впечатление на сограждан³². Двое членов клана Веспуччи получили должность гонфалоньера. Еще один прямо написал Лоренцо Великолепному, что очень хотел бы занять эту должность. «Вам известно, что я стремился стать гонфалоньером... Все выборщики – ваши приверженцы и благодаря вашему авторитету никто не пойдет против вашей воли»³³.

³¹ Luzzana Caraci, I, 13.

³² N. Rubinstein, *The Government of Florence under the Medici (1434 to 1494)* (Oxford, 1997), p. 142.

³³ G. Arciniegas, *El embajador: vida de Guido Antonio, tío de Amerigo Vespucci* (Bogotá, 1990), p. 23.

Клан Веспуччи имел контакты с двором. Симонетта Веспуччи, признанная красавица, стала объектом показного, возможно, аффектированного восхищения со стороны Джулиано де Медичи, любимого брата властелина. Быть знакомой с *la bella Simonetta* означало любить ее, и Флоренция объединилась в своем обожании. Она предположительно и изображена на знаменитом, но, к несчастью, анонимном портрете – одном из наиболее чарующих и чувственных портретов, оставшихся нам от флорентийского Ренессанса. На портрете – совершенный профиль девушки с обнаженной грудью и змеей, обернувшейся кольцом вокруг ее шеи и кусающей собственный хвост. Сочетание чувственности и таинственности действует неотразимо. Что хотел показать художник? Хрупкость красоты? Вечность любви? Картина предлагает больше, чем просто эротическое возбуждение; она заставляет задуматься о ее внутреннем символизме. Она

возбуждает физическое влечение и интеллектуальную интригу. Кто может желать большего от женщины?

Неудивительно, что история Симонетты стала причиной появления большого количества романтической чепухи. Было в ней что-то, заставлявшее историков таращить глаза, а их прозу становиться вязко-сентиментальной. Расхожее мнение о том, что она была моделью Боттичелли для портретов всех его самых знаменитых красавиц, похоже, основано всего лишь на том соображении, что самая красивая девушка того времени должна была стать моделью для самого чувственного художника.

Джулиано де Медичи носил ее цвета, когда сражался на рыцарском турнире; и Анджело Полициано, один из любимых поэтов клана Медичи, в своих стихах, посвященных турниру («Стансы на турнир»), с кокетливой скромностью описал свои чувства к прекрасной девушке. Хотя тому и нет прямых доказательств, многое говорит за то, что она была любовницей Джулиано. Говорят, что когда она умерла молодой, он был безутешен. Ее муж и отчим отдали Джулиано в качестве подарка «все ее одеяния и портрет»³⁴. Это нечто большее, чем простая вежливость. Но может ли это помочь в объяснении жизненного пути Америго? Лучше смотреть на связь между Симонеттой и Джулиано как еще на одно свидетельство переплетения судеб кланов Веспуччи и Медичи. Более важными, чем красота Симонетты – понятно, для продвижения интересов той ветви семьи, к которой принадлежал Америго – были ученые занятия Джорджио Антонио. Благодаря ему семья Веспуччи получила доступ к самому Великолепному. От чумы они спасались на его вилле в Муджелло.

Америго-старший, умерший в 1468 году, наказал церкви прихода Огниссанти выплачивать из наследства 12 динариев в год для чтения молитв за упокой души его и жены³⁵. Здесь в начале 1470-х Веспуччи построили часовню и украсили ее картиной Доменико Гирландайо, еще не ставшего знаменитым. Деньги поступили от более процветающих членов клана, а не от семьи Америго. Предположение, что Гирландайо изобразил Америго среди членов семьи, представленных под плащом Мадонны, покоится на утверждении, которое хроникер флорентийских художников Джорджио Вазари сделал через три четверти века. К тому моменту слава Америго была достаточной, чтобы создать почву для такой идеи. Но объективных оснований у этой гипотезы не имеется; у нас нет, увы, ни прижизненных портретов Веспуччи (во всяком случае таких, в чьей аутентичности не приходилось бы сомневаться), ни даже точного описания того, как он выглядел.

Родители Америго жили в доме деда на момент его рождения. Но когда точно он появился на свет? «Америго Веспуччи родился...» Биографы привычно оканчивают такие фразы датой и местом. В случае с Америго местом безоговорочно является Флоренция, а вот с датой нет полной определенности. Два младенца с одним и тем же именем от одних и тех же родителей появились на свет с промежутком в два года, что и было отмечено в церковной книге. Первый умер, вероятно, почти сразу, что неудивительно при тогдашней высокой детской смертности – маленькое привидение из бесконечного числа неоплаканных младенцев, ибо души их считались невинными (а оплакивание было покаянием, помогавшим душе быстрее достичь неба). Психология предлагает более глубокое или альтернативное объяснение: дети умирали так часто, что родители во избежание душевной боли стремились напрочь забыть о них, и как можно быстрее. Имя Америго требовалось сохранить в семье, ибо так звали патриарха родового гнезда. Поэтому оно перешло к следующему сыну. На его свидетельстве о крещении стоит дата – середина марта 1453; но официальные документы Флоренции того времени, как и во многих других частях Европы, следовали календарю, который начинался с праздника Благовещения 25 марта. Что логично, поскольку это было датой непорочного зачатия Христа,

³⁴ Arciniegas, *Amerigo and the New World*, p. 56.

³⁵ Luzzana Caraci, I, 23.

и мода на языческую дату – 1 января – имитирующую практику древнего Рима, еще не возобладала. Итак, по сегодняшним представлениям *этот* Америго родился в 1454 году.

Но был ли он *нашим* Америго? Основания это утверждать имеются, поскольку четырем годами позже его отец указывает в документе возраст ребенка – четыре года. Хотя родители той эпохи были поразительно равнодушны к дням рождения, всё же вряд ли они потеряли счет его годам на столь ранней стадии жизни. Самого Америго, как и других в то время, мало заботила дата рождения, и в позднейших документах в этом отношении царит неразбериха. Так что вовсе не исключено, что он не прибыл в этот мир в 1454 году, а был третьим, нигде не записанным Америго, рожденным той же парой. Если бы меня не сдерживало отсутствие прямых свидетельств, я бы поддержал именно это мнение, поскольку на всех последующих стадиях своей жизни Америго кажется слишком молодым для своих «официальных» лет. Его образование, если придерживаться версии с 1454 годом, продолжалось, когда Америго уже перевалило за двадцать, – причем, хотя оно находилось в наиболее интенсивной фазе, он остался всего лишь средне образованным школяром. Возможно, он поздно начал или задержался с развитием, или принадлежал к категории «вечных студентов»; но это одно из наиболее смущающих обстоятельств в хронологии жизни Америго.

Как бы там ни было, наш Америго родился в семье, где смерть оставила свои знаки. Предыдущий ребенок уже умер. И, похоже, что у младенца, прибывшего в этот мир в 1454 году, имелся близнец: в сертификате крещения записано «Америго и Маттео». Если оба имени не относились к одному ребенку, то Маттео Веспуччи был другим младенцем, не пережившим детства. Сестру Аньолетту занесли в налоговую декларацию в качестве «едока» – флорентийские чиновники на всё смотрели под практическим углом зрения, – когда ей был один год. Затем она исчезает из записей.

Если считать только выживших детей, то у Америго было два старших брата: Антонио, чьей судьбой станет юриспруденция, и Джироламо, который после некоторого «порхания» в юности в итоге придет в лоно церкви. Если судить по некоторым горьким замечаниям, предназначенным для Америго в сохранившемся письме Джироламо, Антонио был любимчиком матери Лизы, забравшим себе всю ее любовь. «Ты пишешь, – подытоживал Джироламо, – что мона Лиза чувствует себя хорошо и посвятила всю себя воспитанию Антонио и проявляет мало интереса к нам обоим»³⁶. Но никаких выводов касательно психического развития Америго, впрочем, сделать из этого нельзя. Если Америго и чувствовал некоторую обиду, то ни разу более не говорил о ней ни в одном из дошедших до нас документов. Но очевидно желание Америго оправдаться, почему Джироламо не следует рассчитывать на получение того, что он, очевидно, неоднократно у него просил: денег и помощи в церковной карьере. Вполне нормально для старшего брата требовать к себе максимального внимания, поскольку его готовили и к наибольшей ответственности; и хотя поклонники Фрейда могут держаться иного мнения, я полагаю, что нормальное детство в привычной культурной среде вряд ли может иметь деформирующий эффект. И всё же перспективы младших сыновей были, безусловно, ограничены выбором старших братьев. Раз Антонио избрал закон, а Джироламо – церковную стезю, то выбор у Америго и его младшего брата Бернардо сужался. Можно было пойти на государственную службу или в богатый дом; привлекательной могла показаться военная карьера. Наиболее вероятным выходом был отъезд за границу, возможно, в качестве торговца. Как мы увидим, оба молодых человека пытались избрать этот путь на разных этапах своей жизни.

Есть еще один пассаж, намекающий – как бы сейчас на это посмотрели – на обычную форму психологической травмы. В школьном упражнении, не поддающемся датировке, Америго нужно было описать себя. «Меня зовут Антонио, – писал он, – по прозвищу “Великий”,

³⁶ Ibid.

не меньше. Но я сам себе кажусь маленьким, ничем не выдающимся и малообразованным»³⁷. Это всего лишь упражнение; Америго, вероятно, даже не был автором этих слов, но лишь переводчиком с оригинала, составленного, например, его старшим братом. Но той же рукой на форзаце намалеваны пробы подписи «Антонио» и «Антониус». Является ли это свидетельством юношеского соперничества, зависти или даже потенциальной ненависти? В Вене конца 19-го века такой вывод сделали бы с неизбежностью, но не в кватроченто – эпоху итальянского Возрождения во Флоренции.

³⁷ Riccardiana MS 2649, f. 92.

Образование Мага

Америго не был избалован серьезным образованием. Семья была обеспеченной и с хорошими связями, но не богатой. Его отец Настажио оказался щедр только к старшему сыну, который должен был наследовать ему в профессии нотариуса. Будущему главе семьи было важно получить хорошее образование, ибо впоследствии именно ему предстояло нести всё бремя ответственности за нее, включая поддержку менее успешных родственников. Для семьи было большой удачей наличие такого высококвалифицированного тьютора, как Джорджио Антонио, ибо брат Настажио являлся одним из наиболее уважаемых ученых мужей города. Он унаследовал виноградник в Перетола, но продал его своему брату в 1464 году. Эта связь обеспечила юному Америго доступ в круг «золотой» молодежи и современное образование – он изучал не только поэзию, риторику, историю и философию гуманистического направления, но также космографию, астрономию и астрологию, что особенно ценилось в мире Джорджио Антонио.

Связь между Америго и его тьютором, похоже, была близкой. Сохранившиеся выражения преданности и благодарности, очевидно, адресованы Джорджио Антонио: «Вы направляли и учили меня, словно добрый и мудрый наставник, и поэтому я всегда буду слушать и почитать вас и ценить намного больше, чем любого другого учителя»³⁸. Он оставался в близких отношениях со своим дядей; по крайней мере, так считала вся Флоренция, и заключительные строки многих частных писем, адресованных Америго, выражают уважение к этому мудрому человеку. Когда Джорджио Антонио тяжело заболел в результате несчастного случая, Америго не было в городе, и друзья поспешили сообщить ему об этом. Но мы, учителя, дружим с учениками по совершенно разным причинам, а порою и вовсе без причин – и не всегда такая дружба является следствием их особых успехов в классных комнатах. Насколько прилежным студентом был Америго?

По его собственному признанию, он с небрежением относился к педагогическим усилиям дяди – но это может быть слегка наигранным благочестивым сожалением, которое люди нередко испытывают, окидывая взглядом свой жизненный путь и перебирая в уме упущенные возможности. Его единственная сохранившаяся попытка свободного сочинения в стиле Цицерона выглядит неуверенной и неуклюжей, хотя в аккуратности ей не откажешь. «Я едва смею писать на латыни, – писал он на латыни, – но если бы я стал писать на родном языке, то мои щеки покраснели бы от стыда»³⁹. Профессиональные ученые испытывают шок от того факта, что Америго при письменном обращении к патрону однажды приписал Плинию самоуничижительную ремарку, которая на самом деле принадлежала Катуллу («вы слишком ценили мои пустяки»), и недоуменно поднимают брови, когда он путает стоицизм и эпикурейство. Но на мой взгляд, эти ошибки – не от недостатка образования; они вполне извинительны и лишь позволяют предположить чрезмерную уверенность писателя в своем знании классических аллюзий. Из известных нам талантов Америго, которые он обнаружил позднее, ловчее всего он проявлял себя в математике, с письмами у него получалось хуже.

Хотя Америго так и не освоил толком латынь, его отношения с Джорджио Антонио позволили ему познакомиться с некоторыми известными покровителями литературы и авторами, писавшими на родном языке. Когда Пьеро Веспуччи был в Пизе, то обратился к Америго с просьбой найти ему Ливия в переводе и Данте, а также просил «взаимы» поэтические сборники Луиджи Пульчи и дель Франко. Америго воображал себя поэтом и поэтому писал стихи – они не сохранились – потенциальным покровителям. И, подобно всем флорентийцам, он

³⁸ Ibid., f. 25.

³⁹ Luzzana Caraci, I, 20.

хорошо знал народную литературу своего города. Как мы увидим позднее, цитаты из Петрарки и Данте легко приходили ему на память в течение всей его жизни, даже посреди океана.

Можно сделать уверенный (насколько это вообще возможно в подобных случаях) вывод, что неформальный курс обучения, который он прошел под руководством своего дяди, включал в себя и начатки космографии. Согласно более поздним воспоминаниям самого Веспуччи, Лоренцо ди Пьерфранческо де Медичи, у которого был тот же тьютор, понимал «кое-что в космографии»⁴⁰. Предмет этот был модным во Флоренции по меньшей мере с 1397 года, когда Мануил Хрисолор приехал в город, чтобы учить греческому, и привез с собой «Географию» Птолемея⁴¹. Когда ее перевод на латынь был завершен, каждый уважающий себя человек прочитал эту книгу. У Джорджио Антонио Веспуччи имелся свой экземпляр, вероятно, переписанный им собственноручно⁴². В текстах Америго есть по меньшей мере дюжина отсылок к книге⁴³. Птолемей заложил в голову Америго некоторые из ключевых идей, помогавших ему впоследствии постигать мир, который он исследовал: его предположительно идеальную сферичность, размеры (24 тыс. миль по экватору)⁴⁴; возможность представления на карте с помощью сетки из линий, разделяемых на широты и долготы.

Изучение географии было частью гуманитарного образования. Новое открытие древних текстов подогрело к ней интерес. Особую значимость во Флоренции имела «География» Страбона, которая вызвала новые споры относительно размера Земли и существования неведомых прежде континентов. Идеи Страбона получили широкое распространение со времени Церковного Собора, состоявшегося во Флоренции в 1439 году, на котором ученые мужи встретились для того, чтобы обменяться последними открытиями в космографии и обсудить новые трактаты по истории церкви. Полный перевод «Географии» на латынь стал доступен с 1458 года, а напечатан был в 1469 году. Джорджио Антонио имел свой экземпляр⁴⁵. «Не исключено, — размышлял Страбон, — что в зоне умеренного климата существуют два обитаемых мира, а может быть и больше, особенно на широте Афин в сторону Атлантического океана». В контексте общего направления мыслей Страбона это замечание звучит иронично, но иронию очень трудно уловить, и многие читатели 15-го века воспринимали пассаж буквально. Атлантика казалась достойной того, чтобы искать там новые миры и неизвестные континенты. Классическая география тоже не исключала, что если мореплаватели сумеют пересечь необозримую Атлантику, то «мы сможем пройти морем от Иберии до Индии вдоль одной параллели». Паоло дель Поццо Тосканелли, «брат» Джорджио Антонио по флорентийской «семье Платона», был известным поборником — возможно, что и автором — теории, согласно которой достичь Азии можно было по западному маршруту (*сmp. 105*). Идеи, подвигнувшие Колумба на пересечение Атлантики, обсуждались в кругах, где Америго вращался в молодости. Знакомство с Тосканелли стало первой из общих у него с Колумбом связей. Еще при жизни мореплавателей эти ниточки будут множиться и уже после смерти сплетут их репутации в единый клубок.

⁴⁰ Ibid., I, 269.

⁴¹ K. Lipponcott, 'The Art of Cartography in Fifteenth-century Florence', in M. Mallett and N.S. Mann, eds, *Lorenzo the Magnificent: Culture and Politics* (London, 1996), 131-49 (с. 132); see generally T. Goldstein, 'Geography in XVth C Florence', in J. Parker, ed., *Merchants and Scholars: Essays in the History of Exploration and Trade* (Minneapolis, 1965), pp. 11-32.

⁴² A.C. de la Mare, *The Handwriting of the Italian Humanists*, I (Oxford, 1973), 106-38.

⁴³ S. Gentile, 'L'ambiente umanistico fiorentino e lo studio della geografia nel secolo XV', in L. Formisano et al., *Amerigo Vespucci: la vita e i viaggi*, pp. 11-45.

⁴⁴ Все измерения того времени были приблизительными и нет согласованных стандартов сравнения. Птолемей предположительно думал в римских милях, которые никогда не приводились к стандарту; насколько можно судить, сравнивая расчеты современников для одинаковых расстояний в различных системах измерения, римская миля была немного длиннее кастильской и намного короче португальской — примерно 1500, 1400 и 2000, соответственно. См. A. Szászdi Nagy, *La legua y la milla de Colón* (Valladolid, 1991).

⁴⁵ Gentile, p. 41.

Этическое образование Америго оставило некоторые свидетельства – не столько в его поведении, которое бывало неприятным или даже мерзким, что могло диктоваться жизненными обстоятельствами, – но в виде записной книжки (хранится в библиотеке Флоренции), большая часть записей в которой, очевидно, сделана его собственной рукой⁴⁶. Можно, конечно, сомневаться в авторстве, хотя заключительная запись, сделанная тем же почерком, гласит: «Америго, сын Настажио Веспуччи, пишет эту маленькую книжку». Будучи молодым человеком, Америго заносит в нее принципы поведения, меткие изречения и советы: «книга сентенций», каковое название этот жанр имел в то время. В единственном сохранившемся письме времен его молодости, адресованном отцу, Америго пишет о ней, как о собрании его советов: «Я заново в нее, – пишет он – правила поведения [*regula*] – на латыни, с вашего позволения (скромно добавляет он в скобках), чтобы по моем возвращении я мог показать вам эту книжку, в которой эти правила собраны “с вами сказанного”»⁴⁷.

Манускрипт, в котором почти всё написано на тосканском диалекте, за исключением нескольких упражнений на латыни, не выглядит «авторским». Вставки на латыни (всегда с переводом на тосканский) написаны более зрелой, свободной и умелой рукой. Похоже, что тьютор писал на латыни для Веспуччи, чтобы тот уже переводил на родной язык. Хотя сочинение на латыни было в то время важнейшей частью любого курса обучения, но и такие упражнения были обычной практикой.

Некоторые биографы называют этот манускрипт «книгой для упражнений» и связывают его с формальным обучением Америго силами самого Джорджио Антонио. Однако он мог быть использован в течение долгого времени; в нем нет дат, но рука главного автора, которому принадлежат записи почти на всех 170-ти страницах формата фолио⁴⁸

⁴⁶ Riccardiana MS 2649.

⁴⁷ Luzzana Caraci, I, 20.

⁴⁸ Фолио – довольно большой размер страниц книги, половина типографского листа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.